

Старый Ник сегодня не голоден

Мужчина гнался по слякоти за мальчишкой. Задыхаясь и кашляя, он орал:

— Домой не возвращайся, паршивец, убью! Убью, слышишь! Руки поотрываю, дрянь неблагодарная! Я в шахте надрываюсь, кормлю его, одеваю, а он по карманам шарит! — И совсем уже захлебнувшись кашлем, перешел на шаг, согнулся и сплюнул в грязь: — Чтоб тебя Старый Ник забрал!

Мальчишка свернул в переулочек и тоже остановился, чтобы отдышаться. Холодные сильные пальцы ухватили его за ухо:

— Сам прибежал! Маленький воришка, обманщик и лентяй, так? Хороший улов у Старого Ника сегодня, большой улов.

Мальчик повернул было голову, чтобы рассмотреть говорившего, но заскулил от боли в вывернутом ухе.

— Не визжи, не разжалобишь! — хрипло рассмеялся старик. — Хочешь на Старого Ника посмотреть? Ну смотри!

Он наклонился совсем близко к лицу мальчика, и тот подавился очередным визгом. Вырезая лицо из темного дерева, мастер дольше всего занимался огромным безгубым ртом и зубами, сделав их намного больше, чем полагалось. На остальные детали времени не осталось: резчик успел проковырять маленькие, близко посаженные глаза, несколькими движениями выстругать острый нос, а морщины расплзлись по всему лицу, словно борозды от соскочившего в спешке ножа.

— Не буду я тебя сейчас есть, — вдруг икнул Старый Ник. — Сыт уже. Заберу-ка я тебя к себе домой. А завтра и съем.

Он зашагал к дальнему концу переулочка, где стояли санки с запряженными в них оленями. Мальчишка тащился рядом, косясь на худую фигуру с торчащим животом. Дойдя до санок, старик перебрисил мальчишку через высокий борт, а сам уселся на облучок. Санки рванули с места, подсакивая на комьях льда. Сзади раздавались глухие удары, вскрики и всхлипывания.

С трудом подняв голову, мальчик оглядел комнату, куда Старый Ник принес его под мышкой. Огоньки, бегавшие по углям в камине, едва освещали большое кресло с ворохом шкур и тряпок, а все остальное скрывала темнота. Старик наклонился к мальчику:

— Я сейчас спать пойду, а ты чтоб сидел тише мыши. Зашумишь — разбудишь меня, а я, разбуженный, очень очень злой. Понял? Да, и не пробуй бежать. Выйдешь из дома — он меня разбудит, а я, когда разбуженный... — Мальчик быстро-быстро закивал. — До завтра, паршивец.

Старик напился воды, зачерпнув жестяным ковшом из бочки, уселся в кресло и засопел. Мальчик лежал неподвижно, не осмеливаясь даже подползти поближе к

огню погреться. Однако наконец не выдержал и вытянул руку, задержав дыхание и прислушиваясь к храпу. Довольно скоро он уже прижался спиной к теплым изразцам и грел под мышками ладони. Холод и боль чуть отпустили его, а глаза привыкли к темноте. Прислушиваясь, принюхиваясь и вглядываясь, мальчик думал об одном: до утра он должен приготовить старику завтрак и при этом не шуметь.

В углу нашелся мешок с крупой, на столе — заросший грязью котелок, а у камина были сложены поленья. Передвигаясь тихо, словно клочок темноты, мальчик налил в котелок воды из бочки и уселся на пол отскребать щепкой пригоревшие в нем остатки, а закончив, набрал чистой воды и прокрался к камину. Подложил щепок к почти погасшим углям, потом подsunул пару поленьев. Одно из них громко выстрелило.

— Ты что там делаешь, щенок? — прохрипел старик сквозь сон.

— Я дров подложил, господин Старый Ник, чтоб вы не замерзли, — дрожащим голосом ответил мальчик.

Старик пробормотал что-то и снова захрапел. Мальчик перевел дух и повесил котелок поближе к огню. Скоро вода закипела, и он, всыпав крупу, накрыл котелок крышкой и пристроил его сбоку от огня, на горячие кирпичи. Старик проворчал:

— Опять шумишь, отродье?

— Я вьюшку закрыл, — тихо ответил мальчик. — Спите, господин Старый Ник.

Он уже снова сидел, прислонившись спиной к камину, словно и не вставал. Мог бы не обдирать руки, думал мальчик в отчаянии, все одно он меня съест. Кто же будет пустой несоленой кашей давиться? Может, отыщется хоть полгорсточка соли или масла кусок?.. Он снова пополз на четвереньках по комнате, ища люк в подпол. Тот нашелся в углу рядом с бочкой. Мальчик поддел кольцо стертими в кровь пальцами и потянул.

— Кто там? — прошептал голос снизу.

От испуга мальчик чуть не выпустил кольцо. Что за чудища могут жить в подполе у Старого Ника? С другой стороны, вряд ли чудища будут спрашивать «кто там?». Он наклонился к самому полу и тихонько произнес:

— Меня Старый Ник привез. Милостивые господа, у вас не найдется соли и масла для каши?

— Милостивые господа, говоришь? Найдутся у милостивых господ и соль, и масло, а вот у тебя что найдется в обмен, а? — прошептали снизу.

Секунду подумав, мальчик достал из кармана деревянную лошадку, чудом не вывалившуюся, пока его швыряло в санках, и сунул в приоткрытый люк.

— Хороша коняшка, хороша, да только мало одной. Нас тут три, и тридцать три, и еще три дюжины, и я, а коняшка одна.

— Где ж я еще возьму? — прошептал мальчик в щель. — Пожалуйста, милостивые господа, сжальтесь, дайте мне

соли и масла, а то меня Старый Ник утром съест обеща-
л.

— Вырежи коняшек хоть трети, а остальные, так уж и
быть, завтра отдашь, когда старый хрыч уедет, — тор-
говался сидевший в подвале.

— Да у меня и ножа нет.

В подполе зашептались. «Дадим ему нож?» — «Не-а,
все равно его Старый Ник съест», — расслышал маль-
чик. Дальше шепот стал неразборчивым. Наконец из
щели показался маленький нож. Мальчик положил его
в карман и пополз за поленом к камину.

— Эй, — окликнули его из щели, — на, мазь возьми,
руки смажешь.

Старый Ник проснулся в неплохом настроении. В доме
было тепло, от очага пахло чем-то вкусным. Мальчик
сидел на полу у огня.

— А ну помоги мне встать, щенок! — рявкнул старик.
Мальчишка подскочил к нему и помог дойти до двери.

— Господин Старый Ник, я вам завтрак сготовил, по-
ешьте, пока не остыл.

— А, думаешь, я его съем, а тебя не стану?

— Да я ж никуда не денусь, господин Старый Ник, —
опустил глаза мальчик. — А каша до вечера засохнет.

— И то, — согласился старик, садясь к столу...

Когда Старый Ник наконец уехал, мальчик присел
у люка:

— Милостивые господа!

— Да ладно тебе нас господакать, — ответил смеш-
ливый голосок. — Мы тут такие же пленники, как и ты.
Нас старый хрыч подальше отпускает, вот и вся разни-
ца. Будешь себя хорошо вести, тебе тоже разрешит.
Как тебя зовут-то?

— Ники.

— Тезка его, смотри ты! — хихикнул голосок. — При-
нес остальных коняшек?

— Я сейчас последних доделаю. Ваш нож, считай,
сам режет, только направляй.

— А мы, гномы, по железу первые мастера, — согла-
сился голосок. — Ну, чего старику готовить будешь?
Может, ягодный пирог испечешь? Мука там где-то дол-
жна быть, а сушеных ягод мы тебе дадим.

— А что взамен возьмете? — осторожно спросил Ники.

— Договоримся, не беспокойся, — засмеялись снизу...

Старый Ник вернулся засветло. Мальчик, спавший в
теплом углу у камина, вскочил на ноги, лишь услышал
скрип шагов.

— Добрый вечер, господин Старый Ник. Будете ужи-
нать? Я пирог с ягодами испек и чаю брусничного за-
варил.

— Да ты времени даром не терял. — Старик оглядел
чисто прибранную комнату. — Все надеешься, что не
съем, пожалею?

— Воля ваша, господин Старый Ник.

— Моя, моя. Ладно, давай пирог сюда. И подбрось
полено, замерз я.

— А вы бы разрешили мне в лес выходить, господин
Старый Ник, — вкрадчиво сказал мальчик. — А то дрова
кончаются. Я бы и воды натаскал, и ловушек на зайцев
и птиц расставил.

— Там посмотрим, — проворчал с набитым ртом
старик.

Старый Ник задумчиво ковырял в зубах и смотрел на
мальчишку, мывшего посуду в тазу. Словно почувство-
вав его взгляд, мальчик обернулся:

— Господин Старый Ник, у нас соли последняя горст-
ка осталась.

Старик поморщился. Он терпеть не мог ходить по лав-
кам. Но придется, наверно. Завтра. А пока можно по-
спать на новой кровати, которую мальчишка срубил в
конце зимы. На лапнике, да под одеялом из шкур, да
на пуховой подушке... Ничего не скажешь, старается
паршивец. Ну ведь не за просто так, за шкуру свою
работает. Может, его в лавку послать, пока Старый Ник
своим делом заниматься будет?

— Собирайся, щенок. Завтра поедешь со мной в го-
род, купишь там соль и все остальное, что надо.

— Спасибо, господин Старый Ник, — кивнул мальчик
и покосился в сторону люка.

В летний возок он залез с мешком. Старик подозри-
тельно посмотрел на него, но ничего не спросил. Так
они и доехали молча до городка, и, только когда олени
уже бежали по мостовой, Старый Ник вдруг обернулся:

— Вон, видишь того бездельника? Не сегодня, так
завтра я его заберу.

У витрины игрушечной лавки стоял малыш в рваной,
заплатанной одежде и смотрел на сокровища за стек-
лом.

— Вот так и начинают все эти мошенники! — захохо-
тал старик. — Ладно, вылезай. Вот лавка. Купи все,
что надо, и жди меня здесь, понял?

— Понял, господин Старый Ник.

Ники вылез из возка и зашел в бакалейную лавку.
Выйдя оттуда через полчаса с заметно раздувшимся
мешком за плечами, он огляделся по сторонам и бы-
стро заскочил в игрушечный магазин, у витрины которого
все еще стоял тот самый малыш. В лавке Ники сразу
подошел к хозяину:

— Уважаемый господин, не хотите ли купить игруш-
ки? Гномья работа.

Переговоры заняли больше времени, чем хотелось
Ники, и он издергался, выглядывая в окно лавки: ста-
рик мог вот-вот вернуться. Наконец хозяин кончил тор-
говаться, и Ники, с облегчением положив деньги в кар-
ман, выскочил на улицу. Проходя мимо малыша, он ук-
радкой сунул ему в карман зажатую в кулаке лошадку с
кожаными удилами, седлом и султаном из настоящих
перьев, выкрашенных в алый цвет.

— Ты что делаешь, щенок? — загремел голос Старого
Ника.

От подзатыльника Ники чуть не упал. Старый Ник
руганью и тычками гнал его до возка, а там отвесил
мальчику такой пинок, что тот врезался в железный кант
и до крови рассадил лоб.

— Я с тобой дома еще разберусь, мошенник! Выду-
мал тоже — игрушки раздавать! — зло ворчал старик с
облущка.

— Да я же ради вас стараюсь, господин Старый Ник.
Малыш этот чего натворит, а вам за ним ездить. А то
посидели бы дома, я бы вам глинтвейн сварил, вот и
пряностей купил, и патоки. И пирог бы с маком и с
медом испек.

Старик замолк. Так и ехали до самого дома.

— Вылезай, распряги оленей... Подожди, значит, иг-
рушки хочешь детям раздавать?

— Ну да. — Мальчик осторожно приглядывался к Ста-
рому Нику. — Детям занятие, меньше будут шалить, а
вам езды меньше. Разве плохо?

— Ну смотри. А когда все успеешь? Или готовить за
тебя леший будет?

— Не беспокойтесь, господин Старый Ник, я все ус-

пею. А не буду успевать, воля ваша, не берите меня с собой.

— Ну смотри, — повторил старик, заходя в дом.

Старый Ник наблюдал за мальчишкой. Тот укладывал игрушки в мешок. Незаметно подкралась дремота, и старик прикрыл глаза, убаюканный привычным шумом: гномы в подвале стучали молоточками, скрипели ножами, а от ритмичного шелеста печатного станка весь дом, казалось, плавно покачивался. Вдруг старик открыл глаза. Побледневший Ники стоял у скамьи, а игрушки, высыпавшиеся из мешка, лежали яркой кучей на полу: их грохот и разбудил Старого Ника.

— Что такое? — проворчал он. Мальчик не ответил. — Что случилось? — уже настойчивее спросил старик.

— Не знаю, господин Старый Ник. Плохо мне.

— Плохо? — Старик оглянулся на дверь. — Что плохо?

— Не знаю, господин Старый Ник. Просто плохо мне, стоять не могу. — Ники опустился на скамью и замер, со всхлипом втянув воздух. — Помру сейчас, господин Старый Ник, — прошептал он едва слышно.

— Да все в порядке с тобой, — проворчал старик. — Сейчас последняя родная кровь твоя умирает, вот и вся история. Потерпи чуток, зато потом уже настоящим волшебником станешь.

— Кто... умирает? — прохрипел Ники. — Кто?

— Твой отец, кто ж еще!

— Как? Отец умирает? Сейчас? Я... Где он? — В ответ старик лишь пожал плечами. — Господин Старый Ник, пожалуйста... можно я... к нему? Олени... можно?

Ники кое-как поднялся и, едва переставляя ноги, пошел к креслу. Вдруг он запнулся, упал на колени и ткнулся головой в халат старика.

— Можно?

Старый Ник почувствовал движение губ мальчика и буркнул:

— Да можно, можно! Только ты ж и до сарая не дойдешь.

Ники оперся на ручки кресла и встал.

— Дойду...

Санки с запряженными оленями уже стояли у избушки. Старый Ник покосился на красный колпачок, мелькнувший под крыльцом, молча помог Ники сесть в санки и взять в негнущиеся пальцы вожжи.

— Эй, Злюка, Комета, Танцор! Эй, Гром! Вперед! — крикнул он и хлопнул Грома по лоснящемуся боку.

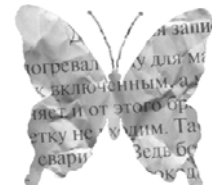
Олени рванули с места. Старик смотрел вслед, кляня себя за то, что отпустил мальчишку. А вдруг подскочат санки на ухабе — и вылетит маленький паршивец, ведь едва сидит. Беги потом по морозу. Да и оленей ловить кто будет?.. Но санки удалялись плавно, будто плыли по свежему снегу.

— А они ведь летят! — прошептал голосок за углом. — Летят, смотри! Вот здорово — может, успеет Ники!

— Если летят, значит, он уже опоздал, голова твоя гномья! — гаркнул старик. За углом ойкнули. — А ну, пошли в дом, бездельники. Он скоро вернется...

Ники действительно вернулся еще засветло. Старик прислушивался и прикидывал в уме: вот он распряг оленей, вытер их, повесил упряжь, вот сейчас он идет к дому...

Войдя, Ники молча сел на свое обычное место — у камина, на скамеечке для ног — и уставился на огонь. Бедный мальчик, подумал старик. Да уж и не мальчик: вон как вытянулся — чтоб на скамейку сесть, ему втрое складываться приходится, а плечи — едва очага не шире.

ФАНТАСТИКА

— Кхм... Я тут думал: как насчет того, чтобы раздавать игрушки всем хорошим детям, а? — проговорил Старый Ник, когда тиканье часов в тишине стало невыносимо громким. — Может, выбрать один день, да хоть Рождество, и раздать.

— А почему Рождество? — спросил Ники, помолчав.

— Ну, там и ночь почитай что самая длинная, да и праздник вроде как.

— Всем детям, да?

— Всем хорошим детям, — педантично уточнил старик.

— Но ведь... они же все хорошие? — Ники наконец оторвал взгляд от огня и посмотрел на старика. — Все хорошие, ведь правда?

— Ну...

— Ведь правда, они все хорошие? Все!

Ники рыдал, стоя на коленях у кресла и уткнувшись лицом в плечо Старого Ника, словно хотел выплакать все непролитые за эти годы слезы. Старик гладил его.

— Конечно, так оно и есть, они все хорошие, все, Ники, — шептал Старый Ник. — А ты у меня лучше всех, ты самый хороший, мальчик мой. Я старый дурак, Ники, что я понимаю в детях? Ты у меня самый умный, Ники, мальчик мой. Конечно, надо всем детям раздать игрушки, раз ты так говоришь. Ты ведь теперь у нас Молодой Ник, малыш... вон и оленей летать научил. А я дома посижу, буду за этими бездельниками приглядывать.

— Да за тобой самим присмотр нужен, — проворчал добродушный голосок.

Вот так и кончилась эта история, и началась новая. Дети не скоро перестали бояться Старого Ника, но все же через несколько лет одна смелая девушка решила подсмотреть, кто приносит подарки в ночь на Рождество. От нее-то все и узнали, что на санках, запряженных летающими оленями, теперь ездит румяный седой волшебник с молодыми глазами.

А на следующее Рождество санки Молодого Ника вернулись в избушку не пустыми — с невестой. Точнее, она-то сидела на облучке в обнимку с женихом, а в санках ехали ее подружки — веселые маленькие феечки, решившие навестить гномов и помочь молодым подготовиться к свадьбе. Дело в том, что будущая миссис Ник была крестницей королевы фей: ведь не всякая девушка сможет увидеть волшебника. Ох и шуму прибавилось в доме Старого Ника, особенно когда у него родились внучата, а потом и правнуки. Он даже иногда уезжал в своем самозездном кресле, сделанном гномами, в старую избушку и там отдыхал от суеты, ожидая, пока раздастся скрип половиц и голоса:

— Господин Самый Старый Ник! Вы не спите? Расскажите нам про дедушку, господин Самый Старый Ник!

Самый Старый Ник нащупывал ладонью шелковистую макушку возле своего колена и начинал рассказ:

— В тот день Старый Ник был не голоден...

Исторический постскрипtum от автора

Итак, Старый Ник в нашем рассказе не становится Санта-Клаусом; последний — это уже Молодой Ник. А Старый Ник просто сходит со сцены. В этом смысле рассказ отражает трансформацию образа Санта-Клауса и его коллег.

Начнем по порядку. Святой Николаус, или Николай, родился в 260 году в городе Мире Ликийской (Малая Азия) и прославился щедростью, бескорыстием, искренней и сильной верой. настолько сильной, что подрался с Арием на Первом Вселенском соборе, и его вышвырнули из собрания и заключили в темницу. Однако епископам явилась Дева Мария и уговорила их помиловать святого Николауса, поскольку движим он был любовью к Христу. Святой Николай славен многими чудесами и добрыми делами, в том числе спасением троих детей, убитых и расчлененных мясником, и тем, что подбросил три мешка с золотыми монетами бедному отцу трех бесприданниц. Этим, разумеется, список его дел не исчерпывается, но теперь нам ясно, почему святой Николай, кроме всего прочего, считался щедрым и добрым покровителем детей. По восточному обряду День святого Николая Чудотворца — 19 декабря. В западной традиции день Святого Николауса приходится на 6 декабря.

До Реформации подарки делали в День святого Николауса, но Мартин Лютер был недоволен тем, что именно католический святой приносит подарки — и вместо него появился Christkindlein, Дитя Христово. Позднее в английском языке это имя трансформировалось в Kriss Kringle (Крисс Крингль), аналог Father Christmas.

Праздник Рождества Христова пришелся на время языческих праздников зимнего солнцестояния. Многие обычаи этих ранних празднеств включены в рождественские. Например, еще в XVII веке в Лапландии в Рождество (или Йоль) украшали оленьими внутренностями дерево с обрубленными ветвями. А в Финляндии подарки на Рождество до сих пор приносит Козел Йоля (Joulupukki). В Померании и Пруссии на Рождество приходил зловецкий Мешок-с-Костями, или Мохнатый Козел, и требовал подарков для себя — отголосок жертв.

К щедрому доброму дарителю святому Николаю также присоединялись его темные спутники, задачей которых было пугать и наказывать непослушных детей (по другим легендам, эти демоны первоначально занимались похищением детей, но святой поймал их и заставил служить себе). Например, в Австрии одним из них был мохноногий, рогатый, с длинным красным языком, по имени Крампус; он держал в руке кнут или розги, а за спиной носил корзинку, куда и прятал непослушных детей. Некоторые из этих жутковатых существ именовались Николас, Ник или Никкель (например, «Мохнатый Никкель» — Pelznickel).

Прообраз Санта-Клауса, голландский Sinterklaas, приезжает из Испании вместе со своим спутником Черным Петером — как и Старый Ник, это одно из прозвищ дьявола. Хорошим детям Sinterklaas дарит сласти и игрушки, а плохих забирает в Испанию (учитывая отношение к испанцам в Нидерландах, маленьких голландцев такая перспектива должна была сильно пугать). В наших краях святой Николай Чудотворец ходит вместе с помощниками — Ангелом и чертиком Антипкой. Ангел несет подарки хорошим детям, Антипка приносит розги для непослушных.

Однако знакомый всем Санта-Клаус — американского производства. Образ существа, приносящего на Рождество подарки, приехал в Америку вместе с иммигрантами из Европы. Выглядел этот персонаж то как епископ в митре и с посохом, то как голландский моряк в зеленой куртке и с длинной трубкой во рту. В 1821 году напечатали стихотворение Клемента Кларка Мура «Ночь перед Рождеством» — именно в нем впервые появляется добродушный старик с седой бородой, одетый в отделанную белым мехом красную шубу, едущий на санках, которые запряжены летающими оленями. Возможно, эту деталь Муру подсказали финские легенды о «Старике Зиме», который вместе со снегом спускается с гор на оленьей упряжке. К концу Гражданской войны в США уже вполне сформировался образ Санта-Клауса с его телескопом (в него он может увидеть любого ребенка) и книгой, где записаны все хорошие и плохие дела детей...

Другую метаморфозу, внутреннюю, не так просто датировать. Во всяком случае, к 70 — 80-м годам XX века Санта-Клаус из строгого судьи, раздающего всем по заслугам, превратился в символ щедрости, прощения и обновленной надежды. Он позволяет родителям проявлять эти чувства к детям именно на Рождество, с тем чтобы в остальные дни года воспитывать в них бережливость, самоконтроль и ответственность.

И под конец вернемся к упомянутому выше стихотворению Мура «Ночь перед Рождеством». Мур принадлежал к группе зажиточных ньюйоркцев (в их числе был и Вашингтон Ирвинг), которая хотела сделать Рождество семейным праздником, а не пьяной гулянкой на улицах; отсюда и акценты, расставленные в стихотворении. Через сорок лет в Северной Америке началась Гражданская война. Карикатурист Томас Наст решил использовать Санта-Клауса для агитации за северян. В его рисунках, появлявшихся в журнале «Харперс базар», Санта-Клаус раздавал лакомства солдатам северян и утешал детей в тылу. Дети южан, естественно, тоже хотели конфет, но Санта-Клаус объяснял, что из-за войны не может к ним добраться. В то время его внешний вид еще не был похож на знакомый нам сегодня. Но в 20-х годах XX века компания «Кока-Кола» провела рекламную акцию, признанную одной из самых успешных в истории: художник Хаддон Сандблом, к которому обратилась компания, нарисовал Санту таким, каким он и остается поныне.

